

Политическая герменевтика и современная элитократия

© 2020 г. П.Л. Карабущенко^{1*}, Е.В. Гайнутдинова^{2**}

¹ Астраханский государственный университет, Астрахань, 414056, ул. Татищева, д. 20.

² Астраханский государственный технический университет,
Астрахань, 414025, ул. Татищева, д. 16.

* E-mail: pavel_karabushenko@mail.ru

** E-mail: gainutdinova.ekaterina@mail.ru

Поступила 29.08.2019

Политическая герменевтика – относительно новое направление в развитии философской, филологической, элитологической и политологической мысли, характеризующееся как междисциплинарное направление, со всеми вытекающими из этого особенностями. Внимание политической герменевтики направлено в первую очередь на анализ культуры текста политических элит и их лидеров, выявление тех смыслов и символов, которые содержат их слова и дела. При этом особое внимание уделяется проблеме верификации политического текста, критики и разоблачению политической дезинформации и фальсификации истории. Таким образом, политическая герменевтика измеряет вес слова субъекта элиты и через анализ его качества выводит уровень качества самой элиты, меру веса ее авторитета, ответственности и профессионализма. Для элитологической науки политическая герменевтика выступает важнейшим методом исследования внутренних качеств элиты (ее элитности), открывая возможность проникать в персоналистические глубины личности политика, устанавливать диалектические связи текста элиты с ее историческим контекстом и психологическим подтекстом. Эта более «плотная работа» с субъектом элиты позволяет дать и более адекватный диагноз ее текущему состоянию, преодолеть субъективизм апологии PR-технологий, объективно оценить ее профессиональные возможности и скрытые ресурсы власти.

Ключевые слова: герменевтика, политика, элита, элитократия, информация, достоверность, верификация, фальсификация, софистика, язык, власть, тайна, личность, меритократия.

DOI: 10.21146/0042–8744–2020–4–58–68

Цитирование: Карабущенко П.Л., Гайнутдинова Е.В. Политическая герменевтика и современная элитократия // Вопросы философии. 2020. № 4. С. 58–68.

Political Hermeneutics and Modern Elitocracy

© 2020 Paul L. Karabushenko^{1*}, Ekaterina V. Gainutdinova^{2**}

¹ Astrakhan State University, 20, Tatischeva str., Astrakhan, 414056, Russian Federation.

² Astrakhan State Technical University, 16, Tatischeva str., Astrakhan, 414025, Russian Federation.

* E-mail: pavel_karabushenko@mail.ru

** E-mail: gainutdinova.ekaterina@mail.ru

Received 29.08.2019

Political hermeneutics is a relatively new trend in the development of philosophical, philological, political and elitological science characterized as an interdisciplinary direction, with all typical features. The attention of political hermeneutics is aimed primarily at the analysis of the text-culture produced by the political elites and their leaders, revealing the meanings and symbols that contain their words and deeds. Special attention is paid to the issue of verification of political text, criticism and exposure of political disinformation and falsification of history. Political hermeneutics measures the weight of the word subject uttered by the elite and through the analysis of the quality, reveals the level of quality of the elite, weight measure of its authority, responsibility and professionalism. For elitological political science hermeneutics serves an important method for studying the intrinsic qualities of the elite (its eliteness), opening up the opportunity to penetrate the depths of the individual personalistic of the politician, establish dialectical links of the text of the elite with its historical context and psychological overtones. This more “dense work” with the subject of the elite allows us to give a more adequate diagnosis of its current state, to overcome subjectivism apology, evaluate its professional capabilities and resources of hidden power objectively.

Keywords: hermeneutics, politics, elite, elitocracy, information, reliability, verification, falsification, sophistry, language, power, mystery, personality, meritocracy.

DOI: 10.21146/0042–8744–2020–4–58–68

Citation: Karabushenko, Paul L., Gainutdinova, Ekaterina V. (2020) ‘Political Hermeneutics and Modern Elitocracy’, *Voprosy Filosofii*, Vol. 4 (2020), pp. 58–68.

Уже в конце XX в. было замечено, что мир информации начинает играть все более значительную роль в жизни общества и человечество теперь зависит уже не столько от ограничения свободы доступа к информации, сколько от необходимости ее верификации. Представители теории постиндустриализма (М. Янг, Д. Белл, Э. Тоффлер) объявили о скором наступлении информационного общества, которое ознаменует смену олигархического типа элиты меритократической. Современный мир действительно характеризуется усилением роли информации и, в частности, научного знания в определении качества социума. Мы живем в эпоху смены исторического контекста, что приводит к возникновению новых смыслов, новых акцентов, новых актуальностей. Весьма перспективным инструментом изучения и анализа этих новых смыслов может стать герменевтика, включая ее политический вариант [Карабущенко, 2019].

Политическая герменевтика представляет повышенный интерес, в частности, для элитологии, изучающей мотивы поведения элиты (формы) и состояние их элитности (содержания). В силу указанного, объектом настоящей работы является политическая герменевтика, а в качестве предмета мы можем определить анализ текста, исходящего от элитарного политического сообщества (элитократии). Причем текст этот часто носит эзотерический (порой даже криптологический) характер, поэтому всегда рискует

быть истолкованным оппонентами в конспирологическом ключе. Методов исследования подобных аномальных зон не так уж и много. Именно оптимизировать процесс верификации политической реальности и призвана политическая герменевтика, которая является логическим продолжением диалектического метода, объединяя в себе отдельные элементы компаративистики, исторического и системного методов исследования. В настоящей работе мы коснемся лишь общих вопросов политической культуры современной элитократии.

Политическая герменевтика: pro et contra. В политике текстом может быть любое политическое заявление, исходящее из источника власти и имеющее определенную политическую ценность. Не всегда политическая ценность такого текста совпадает с ее эвристическим значением, ибо онтология и гносеология политики представляют собой две порой совершенно разные антидиалектические реальности. Сами политические элиты делают все от них зависящее, чтобы затруднить рациональное понимание производимых ими текстов, справедливо опасаясь за свою профессиональную репутацию. В связи с этим возрастает необходимость обращаться как к историко-культурному контексту эпохи, так и к философско-психологическому подтексту, производимой ими информации. О профессиональном качестве субъекта элиты мы можем достоверно судить только через анализ культуры его языка, меры ответственности и решимости претворять свои весомые слова в правильные дела. Именно с последним у элитократии и были всегда серьезные проблемы. Именно об этих проблемах сами элиты говорят крайне неохотно, постоянно ссылаясь на якобы профессиональные тайны своей профессии.

Политическая элита представляет собой всю сумму субъектов власти. Но внутри самой элиты власть распределена не равномерно, а имеет иерархическую структуру. Это значит, что субъекты, занимающие более высокие статусные позиции, имеют больший объем властных полномочий и могут контролировать властные функции нижестоящих субъектов. *Элитократы* – это высшие носители власти; те, кто контролирует власть внутри самой элиты, кто наделен правом говорить и действовать от ее имени. В первом (общем) значении *элитократия* – это лица, непосредственно осуществляющие властные полномочия; во втором (специальном) значении элитократию составляют те лица из высших кругов власти, кто способен конструктивно создавать и эффективно контролировать стратегическую информацию, защищать ее от конкурентов и направлять ее воздействие в нужную для себя сторону, то есть элита элиты [Элитология 2013, 564–566]. Лицом элитократии является ее высший элитократор.

Элитократия проявляет себя через формулировку своего отношения к власти и эффективности реализации на практике своих профессиональных обязанностей. Элитократия проявляет себя в осуществлении власти, контролируя информационное пространство как главный ресурс своего могущества. Образно можно сказать, что элитократия – это сила, управляющая словами. И чаще всего это происходит посредством слова, за счет контроля над стратегической информацией и управления общественным мнением. Окружающие общество информационные потоки в основном исходят от их элит. Условно говоря, за одним Gbyte публичного выступления стоит 10 Gbyte непубличных дискуссий и 100 Gbyte комментариев экспертов. Именно за контроль над этими массивами информации и ведется борьба политических элит.

На практике оказывается, что политика есть постоянный уход от справедливости в сторону корпоративной выгоды. Элитократия делает лишь то, что считает справедливым для себя. Родовым ее проклятием является элитарный эгоизм и элитоцентризм. Самый главный дефицит в мире была, есть и будет справедливость, которая измеряется качеством свободы. Но общество всегда принимает предлагаемый ему властями миф о свободе за ее реальное состояние. Свобода как миф ограничивала справедливость, утверждая, что есть некая готовая ее формула, которой уже кто-то владеет; свобода как реальность – попытка утвердительного ответа на вопрос о том, что есть справедливость на самом деле. И ответ этот пугает элитократию гораздо больше, чем перспектива военного поражения.

Политическая герменевтика изучает и дает оценку качеству культуры политического языка ведущих политиков (элит и лидеров), верифицируя допускаемую политиками фальсификацию и стоящее за этим нарушение норм этики. Особенно это касается критики политики двойных стандартов и пересмотра итогов истории, ставшей неудобной для политического мейнстрима. Авторитаризм власти наиболее наглядно проявляется в ее информационной политике. Власть занимается фильтрацией информации и обсуждает только те события, на которые она акцентирует внимание, объявляя их актуальными и наиболее важными. При этом все конфликтные вопросы выносятся ею за рамки публичной политики. В публичную политику попадает лишь только то, что нельзя скрыть или невозможно кулуарно разрешить.

Несколько перефразируя М. Фуко, можно сказать, что политическая герменевтика лежит в плоскости методологии политической науки и решает философские проблемы политики – вопрос о рациональности политического акта, культурности самого актора, возможность постижения и утверждения смысла, перспективы литературного анализа политической лингвистики и дешифровки политического мифа [Фуко 1996, 14–15]. Последнее является особенно актуальным в условиях стремительно развивающихся информационных технологий, связанных с фальсификацией политической реальности в угоду определенных политических кругов.

Главным оппонентом политической герменевтики становится политическая мифология. Именно она создает об элите сказочные образы, героизируя ее субъектов, апологизирует их деятельность. Герменевтика фактически избавляет нас от подобного рода иллюзий, ограничивая чары политической мифологии. Политическая герменевтика настаивает: *не ищите в элите того, чего в ней нет; не воспринимайте ее рекламу в качестве ее реальности.*

Уже Платон заметил, что в политике оценка лжи и истины имеют совершенно иные параметры, чем в повседневной жизни. «Надо высоко ставить истину», – отмечает Академик и поясняет: «...богам ложь по существу бесполезна, людям же она полезна в виде лечебного средства, ясно, что такое средство надо предоставить врачам, а несведущие люди не должны к нему прикасаться» (Платон. Государство, 389b). Задолго до Макиавелли Платон указывает на то, что ложь является составной частью профессионального языка политика. «Уж кому-кому, а правителям государства надлежит применять ложь как против неприятеля, так и ради своих граждан – для пользы своего государства, но всем остальным к ней нельзя прибегать. Если частное лицо станет лгать подобно правителям, мы будем считать это таким же – и даже худшим – проступком, чем ложь больного врачу, или когда занимающийся гимнастическими упражнениями не говорит правды учителю о состоянии своего тела, или когда гребец сообщает кормчему о корабле и гребцах не то, что на самом деле происходит с ним и с другими гребцами» (Государство, 389c). Платон открыто признает, что то, что разрешено элите, «простым людям» запрещено (Государство, 390a).

В конечном счете, вся деятельность политической герменевтики сводится к выяснению качества личности, профессионально занимающейся политикой. Речь идет об элите, отвечающей за стратегическое развитие общества и государства. Поэтому оценку личности политического деятеля следует вести, опираясь на данные персонализма (Н.А. Бердяев, Э. Мунье, Ж. Лакруа), а не на анализ административного ресурса политической элитологии. Поскольку элита есть доминирующая социокультурная актуальность нашей реальности, то ее адекватное понимание и критическое объяснение позволяют обществу не совершать тех ошибок, которые были допущены в прошлом (самая главная ошибка – это неограниченный кредит доверия власти).

Диалектика слова и дела. Усилившаяся в последнее время критика профессионального качества субъекта политических элит сводится к тому, что власть в элитах захватили персоны среднего уровня, не отличающиеся самостоятельностью и оригинальностью мышления [Робертс 2009 web; Робертс 2010 web; Робертс 2013 web; Hayes 2012]. Мир высокой политики – это мир формально избранных руководителей, которые играют роль политических лидеров и субъектов элиты (элитократии), слабо представляющих

себе законы и правила самой политики. Элитарное политическое сознание никогда не отличалось справедливостью, поскольку редко когда придерживалось правдивости. Для него все больше становится характерной конспирологическая закрытость, на фоне формально пропагандируемых им же демократических ценностей открытости, конкуренции и гласности.

Власть слова становится все более привлекательной и значимей власти денег, военной силы или древних магических (в том числе и астрологических) практик. Особенно это касается слова научного, несущего обществу стратегическое знание о мире и о нем самом. Но в мире высокой политики научное слово претерпевает значительные искажения, становясь «игрушкой» в руках различных политических интересов и не всегда четко определенных целей. Элитократия заведомо ставит себя вне Истины, предпочитая манипулятивные технологии проверенным научным методам. Власть лишь формально придерживается законов политологии, на практике применяя свои проверенные технологии успеха. Если она и воспринимает данные политической науки, то только в упрощенной схоластической форме. Элиты отказываются от науки как наиболее важного способа познания действительности, вместо нее выдвигая свое собственное видение проблемы, в основе которой подложен корпоративный интерес правящих групп. Большинство научных политических теорий (особенно те, что напрямую касаются интересов правящего политического класса) не выдерживает проверку временем. Создаваемые по заказу и отражающие интересы узких элитарных групп, они быстро морально устаревают. Именно потребность в верификации и устранении последствий «игры в термины» (фальсификации) и пробудило интерес к классической герменевтике (В. Дильтей, Ф. Шлейермахер, Г. Гадамер и др.), породив потребность в развитии ее отраслевых направлений, в том числе герменевтики политической и исторической.

Политика становится упорядоченной макиавеллизмом софистикой. Мир политических слов существует как некая реальность, находящаяся между информационным пространством политической мифологии и политической науки. Сама политическая реальность уже давно состоит из 90% слов и 10% дел. При этом не все слова доходят до своего делового воплощения, еще меньше получают общественное признание и совсем абсолютное меньшинство – моральное одобрение и научное подтверждение. За словами национальных лидеров стоят военно-экономическая мощь их страны, авторитет их истории и культуры. Когда слова заменяют все дела, тогда открываются широкие возможности для манипуляции общественным созданием и создание параллельной фальсифицированной реальности. *Слова политиков взвешивают их дела.*

Слабость диалектической связи слова и дела объясняется изъятием из их системных отношений логики и адекватного понимания сущности самой политической реальности. Остаются только противоречия, с помощью которых политики пытаются управлять хаосом развития. При этом уровень доверия в элитных политических кругах ныне находится на самом низком уровне. Доверия нет среди элитократии потому, что нет понимания, поскольку обнаружилось, что политики вкладывают в одни и те же слова разное смысловое значение. Самого понятия в его классическом значении уже не существует – существуют его различные версии и вольные интерпретации.

Помимо этого политические элиты перестают придерживаться своего исторического контекста. Они существуют, не опираясь на контекст, поскольку их уровень абстракции позволяет им оперировать весьма простыми формулами. Ограниченность их семантического поля указывает на неудовлетворительное знание уроков политической истории, равно как и законов политической науки. Элиты и их лидеры слишком часто теряют контекст в живом разговоре, чтобы их можно было сразу понять. Более того, участились случаи внутривидового непонимания, когда помощникам политиков постоянно приходится разъяснять смысл ими сказанного. Отсюда возникает вольность интерпретаций, благодаря чему собеседники утрачивают прямую связь со смыслом.

Гегемонов (элитократоров) не интересует ни истина, ни смысл произносимых ими речей, главное в их софистике – произвести впечатление на «своих», сплотив их ряды и мобилизовав их силы, и разобщить ряды «чужих». Прагматизм и макиавеллизм

стали знаком качества правящих элит. Поэтому объективные знания политической науки отошли в сторону, стали вторичными. Политики погрязли в софистике, уделяя внешней риторике больше внимание, чем логике внутреннего содержания. Зачастую последняя и вовсе отсутствует в их речах. При этом язык становится настолько эластичным в смыслах, что предполагает опровержение без опровержения и доказательство без доказательства. По мнению профессора Принстонского университета, лауреата Нобелевской премии по экономике 2008 г. Пола Кругмана, когда представители элит переходят к злобной риторике с малейшим намеком на насилие, спорные вопросы, как правило, оказываются удивительно тривиальными, а реальные проблемы оказываются обойденными, вытесненными на периферию. Некоторые политики выполняют роль «троянских коней» – созданные ими химеры пугают или, напротив, привлекают к ним избирателей, по существу являясь «пустыми формулами», работающими исключительно на их рейтинг (http://www.ng.ru/krugman/2016-01-18/5_krugman1.html).

Элиты стран геополитических лидеров даже и не пытаются доказать правдивость своих тезисов, считая их абсолютными политическими величинами. Критерием истинности для них оказывается их экономическое превосходство и военное могущество. Требование доверять высказанному тезису становится общеобязательной нормой для того, чтобы быть причисленными к кругу передовых стран и войти в клуб избранных. Свою элитность они выводят из максимума накопленного у себя богатства. Поэтому они не заинтересованы в смене обогатившего их олигархического исторического контекста. Проводимый ими проект глобализации предусматривает усиление их позиций на базе провозглашенных стандартов, в основе которых были положены нормы их ценностей. Они даже не удосуживают себя доказательством своей правоты, огульно обвиняя своих оппонентов и зачисляя их на «неправильную сторону истории» (Б. Обама).

Двойные стандарты в современной политике отражают уровень накала информационной борьбы/войны элит за власть. При этом свобода слова в СМИ заключается в ее независимости от истины и суда морали. Свобода слова определяется в его свободном плавании во лжи фальсифицированной реальности. Уровень компетентности таких политических элит измеряется мерой эффективности владения ими манипулятивными технологиями. Если слово и оказывается свободным, то это свобода во лжи, которая является нормой западной либеральной журналистики, погрязшей в политическом цинизме. При этом сами западные политики даже и не скрывают, что покупают своих журналистов, чтобы они писали выгодные для них материалы [Ulfkotte 2014, 45–50].

Эмпирические данные (публичные выступления лидеров) указывают на разбалансировку смысла и содержания их политического сознания. Политики практически перестали задумываться о логике своего поведения. Формируя свою политическую повестку дня, актер учитывает только происходящие «здесь и сейчас» события. Влияние на мировые процессы актора оказываются однолинейным, а мышление одномоментным, что наглядно проступает в его профессиональной лексике. Повсеместное падение профессионального уровня элиты проявляется в хаотизации ее практики. Субъекты элит не видят или не хотят замечать нарушение логики текущих событий, что заставляет их принимать спорадические решения. Они живут в мире простых и устаревших мифологем [Робертс 2013 web]. Апологетика пытается увидеть за этим примитивизмом нечто большее (якобы скрывающийся второй, более значительный, пласт смыслов), тогда как критика пытается разобраться в уже имеющемся качестве, выявив и озвучив его недостатки.

Политические коды публичного языка элитократии. Язык политической символики уже изначально содержит в себе загадку, исходящую из тайны побуждений политической власти. Об этом в свое время весьма откровенно и красноречиво писал Прокопий Кессарийский в своей знаменитой «Тайной истории» [Прокопий 1993]. О многоуровневой системе дешифровки языка символов говорили еще древние авторы, понимая ее многослойность как систему возрастающей гносеологической сложности. Разгадывание тайного вообще провозглашалось одной из задач научного поиска (Бэкон Р. О тайных деяниях, VIII) [Бэкон 2005]. При этом древние понимали, что разгадка

одной загадки влечет за собой необходимость дешифровки следующих скрывающихся в ней тайн.

Политическая герменевтика имеет дело с текстом как формой выражения политической реальности. Текст является синтетической обобщенной формой языка культуры как совокупности неких знаковых систем, наделенных определенным значением, наконец, как главный носитель информации. При этом текст не сводим к речевому акту или совокупности письменно зафиксированных высказываний. В расширенном значении текст понимается как все, что было сделано человеком (вещи, ритуалы, художественные произведения, книги, танцы и т. д.). Элита существует, главным образом, в создаваемых ею текстах. Она есть актуальный текст своего времени. Создавая текст, она же сама контролирует и процесс извлечения из этого живого текста информации, которая способствует ее позитивному имиджу и скрывает (фальсифицирует) отрицательные о ней факты. Только сопоставив одну элиту с другими ее аналогами, элитология может вывести общие для всех их анатомические особенности и установить формулу их структуры и алгоритм их родовых действий. Элита как текст многозначна и требует постоянной дешифровки своего кода. Для этого ее текст постоянно необходимо сверять с историко-культурным контекстом и с психологическим подтекстом, отраженным в тексте конкретной личности.

Таким образом, мы исходим из того, что в выступлениях (текстах) элиты важно учитывать не только их историко-культурный контекст, но и психологический подтекст. Причем последний может оказаться более актуальным, чем первый. Диалектика оценки качества элит как раз и заключается в том, чтобы установить непосредственную связь между исторической, культурой, политикой и психологической сторонами их власти. Каждая в отдельности они свидетельствуют, но не объясняют нам природу качества элиты. И только собранные все вместе они дают полноценную картину элитарной действительности.

Политическая герменевтика напрямую нацелена на раскрытие кода эзотерического языка большой политики. Культура официального языка воспринимается как всего лишь поверхностная вуаль, скрывающая гораздо более сложный мир символов и образов политической действительности. Ключевыми словами политического языка являются такие выражения, как «национальные интересы», «патриотизм», «суверенитет», «демократия», «права человека»... При определенных условиях они могут легко трансформироваться в культурные коды, выражающие определенный политический алгоритм понимания и действия.

Культурные коды политического языка проявляют себя в том, как элитократия воспринимает и оценивает политическую историю. История для элит служит дополнительным источником их апологии. Ревизия истории есть продолжение войны элит за власть, только иными средствами. Поэтому они тем охотнее пользуются им, чем слабее оказывается их реальная позиция. Элитократия стремится распространить свою власть и влияние не только на политическое слово, но и на историю. «Любимым развлечением» некоторых элит стал пересмотр исторического прошлого и обвинение своих оппонентов в причастности к историческому реваншизму. Понятно, что история должна быть правдой, а не кривдой. Но политика все время сбивает ее на кривой путь, потому что у политиков правда своя, а у народа – своя. И этому есть весьма серьезные объяснения.

Культура языка политических лидеров разделяется на официальную и кулуарную (обыденную, бытовую). Официальная в свою очередь делится на спонтанную и отредактированную (первая свидетельствует о том, каковы они есть в реальности [Бушизм 2005], вторая – какими они хотели бы быть в идеале [Bush 2010]). Политическая компаративистика демонстрирует порой просто чудовищный разрыв в этих двух видах языковой культуры. Путаясь в значении некоторых терминов, ораторы создают немислимые логические конструкции, граничащие с полным маразмом. Так, 43-й президент США (2001–2009 гг.) Буш-младший стал известен своими так называемыми бушизмами, например: «Я хочу сохранить исполнительную силу Президента не только для себя, но и для всех моих будущих предшественников» [Glock 2003, 82]. Понять подобные

заявления таких элитократов бывает просто невозможно, поскольку они находятся по ту сторону смысла. И подобных примеров, в том числе и из российской политической действительности, можно привести множество.

Политическим элитам постоянно приходится не просто применять определенную кодировку своего языка, но и весьма часто (и при этом не всегда последовательно) менять саму систему кодов. Для этого они вынуждены постоянно пересматривать набор символов, отражающих их систему ценностей. Выше мы уже отмечали, что наиболее избыточными и узнаваемыми символами политического языка западных демократий являются такие термины, как свобода, права человека, демократия... Увлечение политической символикой может привести к выхолащиванию политической мысли. Так, схоластика научного коммунизма породила эпидемию политических лозунгов и совершенно пустых текстов съездов и пленумов ЦК КПСС. Такая информация не сплачивала, а разъединяла и отталкивала.

Применяя определенную кодировку, субъект элиты не только экономит время (передавая своим сторонникам и оппонентам определенным образом закодированную информацию), но и скрывает стратегически важные данные о своей политике. Кодированы не только символы, но и стратегически неудобная информация, портящая парадный имидж политика. Поэтому политическая фальсификация может и должна рассматриваться в качестве одного из таких символов-кодов, дающих политикам определенное властное преимущество. Посвященность в эти культурные коды политики открывает двери в высшие сферы профессиональной деятельности, поскольку для того, чтобы заниматься политикой, мало владеть профессиональным языком, необходимо еще быть в узком кругу символического (эзотерического) языка, что уже есть признак элитарности.

Политики постоянно вынуждены заниматься кодированием своих намерений, чтобы скрыть за ними свои профессиональные недостатки. И главный недостаток – отсутствие в элите (формы) ее элитности (содержания). Поскольку форма оказывается без содержания, то и искать ее смысл становится бессмысленно. И отсутствие этого смысла наглядно видно в самой онтологии элит. Общественность редко когда может услышать от элитократа прямой ответ на четко поставленный вопрос. Язык политических элит никогда не подчинялся принципу «Бритвы Оккама» и позволяет себе лексические излишества, часто граничащие со словоблудием. Как главный показатель культурного уровня элит используемый политический язык часто наносит сокрушительный удар по их имиджу и сводит на нет все репутационные ухищрения PR-технологий.

Имеющиеся эмпирические данные не позволяют с точностью описать природу и сущность элит. Конспирологические теории утверждают, что элиты постоянно находятся в состоянии заговора друг против друга, с одной стороны, и, с другой, – всего общества и человечества в целом. Сохраняя часть своей деятельности в секрете, они вынуждены или маскировать, или официально объявлять тайным ту часть информации, которая способна им навредить (а в условиях открытых информационных технологий навредить элитам может всё). Отсюда и рост популярности конспирологической литературы и включение ее в состав околонулевой литературы про элиты, характеризующие их ненормативные виды творчества [Fenster 2008].

Анализ мемуарной литературы показывает, что экс-политики часто используют этот жанр для своей апологии (Blair 2010; Hollande 2018) или сведения счетов с противниками, из-за деятельности которых пострадали их имидж и профессиональная репутация ([Comey 2018; Woodward 2018]). Причем их мало интересует достоверность. Они фактически пытаются переписать новейшую политическую историю, с учетом их собственных интересов и представлений. Каждая подобная работа лишь усиливает субъективизм восприятия политической действительности, которая все больше становится борьбой различных языковых кодов. За вычетом редакторской правки и корректуры штатных спичрайтеров, мемуары показывают культурный уровень и рисуют психологический портрет автора, в прошлом занимавшего ответственный государственный пост, от решения кого зависели судьбы войны и мира. Для политической элитологии данный материал

вскрывает закулисные тайны, тщательно оберегаемые официальными государственными органами власти. Используя принципы компаративистики, политическая герменевтика анализирует моменты расхождения версий одних и тех же событий, выявляя тем самым узловые точки тайных практик правящих элитных группировок. Элитологии необходимо знать пределы отклонения поведения правящей элиты от нормы, чтобы прогнозировать подобные аномальные всплески деструктивности в будущем.

Современная элитократия создает тексты, которые не поддаются ни аксиологической, ни герменевтической оценке. Они рассчитаны на кратковременный политический эффект и на то, что вскоре будут смыты информационным потоком и заменены такой же новой быстротечной «актуальностью». Изучать по ним исторический контекст крайне сложно, практически невозможно. Поиск смысла некоторых политических текстов приводит к нулевому результату, поскольку многие политические заявления представляют собой казенную риторику софистов – поток формальных заявлений, не подкрепленных никаким смыслом, значением или делом. Как замечал еще в свое время В.О. Ключевский, «легче истолковать чувство без слов, чем слова без чувств» [Ключевский 1993, 91]. За большинством политических слов стоит не реальность, а миф, фальсифицированная действительность.

Некоторые политтехнологи и политические обозреватели обладают даром политического красноречия, но не политологического анализа. Все тот же Ключевский отмечал, что «есть люди, которые умеют говорить, но не умеют ничего сказать. Это ветряные мельницы, которые вечно машут крыльями, но никогда не летают» [Там же, 24]. Способность красиво говорить компенсирует недостатки в способности правильно разъяснять. Чаще всего политики не разъясняют смысл своих дел, а объясняют мотивы своих намерений. Еще литераторы заметили, что «способность изъясняться отстает от опыта. Это пагубно влияет на психику. Чувства, оттенки, мысли, восприятия, которые остаются неназванными, произнесенными и не довольствуются приблизительностью формулировок, скапливаются внутри индивидуума и могут привести к психологическому взрыву или срыву» [Бродский 2013 web].

Политический язык – это язык конфликта. Его атрибутами являются такие глаголы, как убедить, напугать, оскорбить, подавить или соблазнить... При этом все эти характеристики носят иррациональный характер, который определяется эмоциональной неуравновешенностью элитократов, их ханжеством, хамством или даже психическими отклонениями. Фактически мы наблюдаем в настоящее время войну всех элит против всех. То, как ведут себя элиты в конфликтах, указывает на уровень их профессиональной подготовки. И чаще всего все сводится к измерению ресурсов и расстановки сил. Решительные действия скорее исключение, чем правило.

Информационные войны – нормальное состояние современных политических элит. Борьба компромата стала составной частью любого политического процесса (особенно борьбы за власть). Причем эти войны носят постоянный и многоуровневый характер. Речь идет о системном противостоянии национальных идей и государственных интересов, за которыми стоят конкретные элитные группы. Некоторые информационные сообщения выстроены как законченные военные спецоперации, со своим набором мифологем (базовых установок) и фальсифицированных фактов (текущих событий). Чаще всего подобные информационные вбросы воспринимаются общественностью эмоционально, а не рационально. Экспертное сообщество тоже демонстрирует устойчивый застой в развитии научной теории – на рубеже веков по-прежнему используются классические концепции индустриального общества.

В ходе политической борьбы элитократы больше занимаются саморекламой, чем вынесением на обсуждение конструктивных предложений. Они предпочитают критику оппонентов скрупулезному анализу своих собственных ошибок. Политики весьма часто критически оценивают речи своих конкурентов как попытку выстраивания параллельной реальности, не имеющей ничего общего с самой действительностью. Особенно это касается программных выступлений глав государств, когда делается попытка оправдания проводимой ими рискованной или непопулярной политики. Опти-

мизм одних компенсируется (разоблачается) пессимизмом других. Вся политическая борьба сводится к утверждению своей собственной правоты и обличению оппонентов как минимум в недостоверности, как максимум во лжи. Вся политика превращается в борьбу одной фальсификации с другой. И для того чтобы разоблачить один миф, они создают другой. И главный миф элиты состоит в том, что она является элитой. Меритократические притязания на признание современных элит постоянно наталкиваются на олигархические интересы [Hayes 2012]. Лавры меритократии не дают спокойно жить современным элитократам, пришедшим к власти путем извлечения из олигархии своих политических выгод.

Мы уверены, что политическая наука может помочь разобраться в этом информационном лабиринте (мифов, фейков, слухов) при помощи герменевтики как наиболее эффективного декодера политического языка элит. Более того, именно политическая герменевтика становится своего рода препятствием на пути наступления фальсификации и манипуляции на общественное сознание. Именно гражданское общество нуждается в таком инструменте с целью ограничения произвола своих политических элит.

* * *

Реалии современной политической действительности показывают, что игры в политику фактически превратились в игру в фальсификацию. В таких условиях возрастает роль верификации, запрос на которую особенно возрастает по мере роста самосознания гражданского общества и его элит. При таких тенденциях меняется задача и самой элитологии – она из чисто политической дисциплины все больше становится общегуманитарной. Именно гуманитарная направленность науки об элите и элитном делает ее особенно популярной в связи с усилением меритократических тенденций современности. В идеале элитология должна быть эпистемологией элит, тогда как на деле она оказывается их апологией, чаще описывающей их реальность, реже критикующей их сущность и указывающей на должное. Говорить об элитологической инженерии и вообще не приходится. Элитология только лишь стоит у порога научной селекции элит, хотя в ее истории было немало попыток осуществления на практике ее академических выводов [Ашин, 2010]. Сама культура реализации элитологических идей на практике по-прежнему остается на крайне низком исполнительном уровне. Практически все реформы в России сталкивались с этой проблемой, которая упирается в крайне неэффективную систему подготовки элитных кадров. Поэтому тема усиления профессионального качества элиты напрямую связана с темой элитного образования и развития меритократических тенденций.

Источники и переводы – Primary Sources and Russian Translations

Бэкон 2005 – *Бэкон Р. Избранное* / Под ред. И.В. Лупандина. М.: Изд-во Францисканцев. 2005 (Bacon R. *Letter Concerning the Marvelous Power of Art and of Nature and Concerning the Nullity of Magic*. Russian translation).

Ключевский 1993 – *Ключевский В.О. Афоризмы. Исторические портреты и этюды. Дневники*. М.: Мысль, 1993 (Klyuchevsky V. O. *Aphorisms. Historical Portraits and Studies. Diaries*. In Russian).

Прокопий 1993 – *Прокопий Кесарийский*. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. М.: Наука, 1993 (Procopius. *Secret History*. Russian translation).

Фуко 1996 – *Фуко М. Археология знания*. Киев: Ника-центр, 1996 (Foucault M. *L'Archéologie du savoir*. Russian translation).

Ссылки – References in Russian

Ашин 2010 – *Ашин Г.К. Элитология: история, теория, современность: монография*. М.: МГИМО (У), 2010.

Бродский 2013 (web) – *Бродский И.* Старайтесь уважать жизнь // <http://www.mediaport.ua/staraytes-uvazhat-zhizn>

Бушизмы 2005 – *Бушизмы* / Пер. с англ. Г. Лиговского. Новосибирск: Советская Сибирь, 2005.

Карабущенко 2019 – *Карабущенко П.Л.* Политическая герменевтика. Монография. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2019.

Робертс 2009 (web) – *Робертс Пол Крейг.* Президент и группы интересов // <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Prezident-i-gruppy-interesov>

Робертс 2010 (web) – *Робертс Пол Крейг.* США, потерявшие демократию // <http://istina.russian-albion.com/ru/chto-est-istina--023-dekabr-2010-g/k-robertsa-ssha-poteryavshie-demokratiyu>

Робертс 2013 (web) – *Робертс Пол Крейг.* Америка дискредитирована // <http://kramtp.info/news/13/full/id=29257>

Элитология 2013 – *Элитология: Энциклопедический словарь* / Под ред. проф. П.Л. Карабущенко. М.: Экон-информ, 2013.

References

Ashin, Gennady K. (2010) *Elitology: History, Theory, Modernity: Monograph*, MGIMO (U), Moscow (in Russian).

Blair, Tony (2010) *A Journey: My Political Life*, Knopf Publishers, N.Y.

Brodsky, Joseph (web) *Speech at the Stadium*, <http://www.mediaport.ua/staraytes-uvazhat-zhizn> (in Russian).

Bush, George W. (2010) *Decision Points*, Crown Publishing Group, N.Y.

Bushisms (web) http://www.slate.com/articles/news_and_politics/bushisms/2000/03/the_complete_bushisms.html?via=gdpr-consent (Russian translation).

Comey, James Brien (2018) *A Higher Loyalty. Truth, Lies, and Leadership*, Flatiron Books.

Fenster, Mark (2008) *Conspiracy Theories: Secrecy and Power in American Culture*, University of California Press.

Glock, Hans-Johann (2003) *Quine and Davidson on Language, Thought and Reality*. Cambridge University Press.

Hayes, Christopher (2012) *Twilight of the Elites: America After Meritocracy*, Crown Publishing Group, N.Y.

Hollande, François (2018) *Les leçons du pouvoir*, Stock, Paris.

Karabushenko, Paul L. (ed.) (2013) *Elitology. Encyclopedic Dictionary*, Ekon-Inform, Moscow (in Russian).

Karabushenko, Paul L. (2019) *Political Hermeneutics, Monograph*, 2nd ed., INFRA-M, Moscow (in Russian).

Roberts, Paul Craig (2009 web) *President and Interest Groups. Soft Power Crisis*, <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Prezident-i-gruppy-interesov> (in Russian).

Roberts, Paul Craig (2010 web) *US Lost Democracy*, <http://istina.russian-albion.com/ru/chto-est-istina--023-dekabr-2010-g/k-robertsa-ssha-poteryavshie-demokratiyu> (in Russian).

Roberts, Paul Craig (2013 web) *America Discredited*, <https://www.activistpost.com/2013/08/america-discredited.html> (Russian translation).

Ulfkotte, Udo (2014) *Gekaufte Journalisten. Wie Politiker, Geheimdienste und Hochfinanz Deutschlands Massenmedien lenken*, Kopp Verlag.

Woodward, Bob (2018) *Fear: Trump in the White House*, Simon & Schuster, N.Y.

Сведения об авторах

КАРАБУЩЕНКО Павел Леонидович – доктор философских наук, профессор кафедры политологии и международных отношений, Астраханский государственный университет.

ГАЙНУТДИНОВА Екатерина Валерьевна – кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник кафедры гуманитарных наук и психологии, Астраханский государственный технический университет.

Author's Information

KARABUSHENKO Paul L. – DSc in Philosophy, professor of Political Science and International Relations, Astrakhan State University.

GAINUTDINOVA Ekaterina V. – Associate Professor, senior research associate of department of the humanities and psychology, Astrakhan State Technical University.